

Матильда Уленская

Главная роль

АНТОЛОГИЯ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Сто историй о любви

Татьяна Успенская
Главная роль

«Антология»

2015

УДК 82-31
ББК 84-44Рус

Успенская Т.

Главная роль / Т. Успенская — «Антология», 2015 — (Сто историй о любви)

После десятилетия эпизодических ролей героине романа Лизе главную роль в пьесе собственного написания предлагает Режиссёр театра. Эта пьеса – его дань трагическому таланту Фаины Раневской. Вторую «главную» свою роль играет Лиза в жизни: она создаёт семью из никому не нужных, брошенных детей, становится им матерью, чтобы сделать их счастливыми.

УДК 82-31
ББК 84-44Рус

© Успенская Т., 2015
© Антология, 2015

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	13
Глава третья	20
Глава четвёртая	33
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Татьяна Успенская

Главная роль

© Успенская Т., 2015

© ООО «Издательство «Антология», 2015

* * *

Глава первая

1

– Мы расходимся. Ты не родила мне ребёнка. Ты не состоялась как актриса. Ты старомодна. Мне надоело гулять с Грифом.

Они оба сидят перед ним: Лиза – на стуле, аккуратно уложив руки на коленях, Гриф – на пышном заду. Оба смотрят на него преданными глазами. Гриф бьёт пушистым хвостом, как всегда, когда выпрашивает гулять.

– Я не виноват, что взорвано болотце стабильной жизни. Довожу до твоего сведения – мой институт давно не платит нашим лабораториям, и я не могу больше приносить тебе ежемесячные копейки.

Он замолкает и переводит взгляд с Грифа на Лизу и обратно. Только сейчас заметил, как похожи их глаза.

– Ты молчишь потому, что всё ясно, или потому, что согласна со мной: наша общая жизнь не имеет будущего? – Вырывается незапланированное: – Не к женщине ухожу, к матери.

Он понимает – надо скорее бежать, слишком затянулась душераздирающая сцена прощания, но что-то ещё держит его в этом доме, где прожил он много лет, и Алесь всё перебегаёт взглядом с одного на другого, не в силах выскользнуть из молчаливой преданности сидящих перед ним.

– Ты хочешь мне что-нибудь сказать? – нерешительно спрашивает он. И никак не может победить уныния, внезапно переплывшего в него от Грифа и Лизы. – За вещами приду, когда ты будешь в театре.

Всё-таки он обрывает нити, столько лет натянутые между ним и теми двумя: встаёт.

Он думал – легко сбежит с седьмого этажа и всю дорогу к матери будет бежать и бежать, чтобы перестать, наконец, видеть их взгляды, сошедшиеся на нём, а сам спускается по лестнице как старик с больными ногами – ступит на ступеньку и стоит – отдыхает.

И по улице поплёлся как старик. Чуть не сразу захлебнулся затвердевшей стужей февраля, мгновенно занемевшими пальцами с трудом застегнул пальто.

Так началась его третья жизнь.

2

А Лиза с Грифом продолжают сидеть, но теперь смотрят друг на друга. И Гриф продолжает бить пушистым хвостом по полу.

Не состоялась как актриса? Пожалуй. Главных ролей не дают.

Больше всего ей подошла роль эпизодической старухи. Старуха еле брела через сцену, то назад оглядывалась – в чёрный проём кулис, то слепо смотрела в зал и, ни к кому не обращаясь, повторяла одни и те же слова: «Был у меня сын, нет у меня сына, значит, я больше не мать».

Лизе было тогда всего двадцать пять. А она спотыкалась о ровные половицы сцены, и животом ощущала пустоту: был сына, нет сына.

Это не у старухи, это у неё – «был сын, нет сына».

Семь недель, пока сын жил в ней, всё держала руки на животе. «Расти, мой хороший, здоровым, – просила. – Я буду беречь тебя».

Никак не могла выбрать момент сказать Алесю.

Он моложе на пять лет, совсем мальчик. Как воспримет?

Решилась солнечным воскресным утром.

Алесь сделал зарядку, принял душ и к сырникам пришёл розовый и улыбающийся.

А когда выпил кофе и потянулся сытый, сказала, что в ней растёт их сын.

Никогда не видела такого удивления. Оно переливалось из глаз Алеся в неё и в ней плодило аргументы. Их она за Алеся и стала говорить себе: «Я ещё не защитил “докторскую”», «на какие шиши мы будем кормить сына, сами на кашах и супах...», «кто будет с ним сидеть, моя мать задом крутит, меня-то не растила, твои с утра до ночи работают».

Алесь молчал, а она пыталась робкой надеждой затушить голос его аргументов, звучащий в ней: вот сейчас он радостно переспросит:

«У нас с тобой будет сын?!» И добавит: «Как я жду нашего сына!». Но робкая надежда забивалась Алесиним молчанием и удивлением, вопившими: «Зачем нам в дом ребёнок?», новыми аргументами: «Смотри, что делается со страной, никакой стабильности. Как же мы будем растить сына? Не ко времени».

Их или не их проигрывает Алесь, выпустив на волю неуправляемое удивление, мечущееся живым существом по нарядной праздничной кухне.

Вообще эта его способность – смотреть в упор и молчать... он мог молчать много часов подряд.

Синдром детского одиночества – так называла она эту его особенность. Мать часто бросала его дома одного или на кого попало. Этому «кому попало» было наплевать на ребёнка, этот «кто попало» или смотрел телевизор, или трепался по телефону. И сейчас порой Лиза видит Алесину детскую фигурку, скорчившуюся в полутёмной комнате над книжкой, которую он ещё не мог прочитать сам, или на кровати со старой игрушкой.

Как теперь Лиза понимает: познакомившись с ней, он произнёс целую речь. Он сказал: «Не могу без тебя».

Она учила его разговаривать. Она знакомила его с самим собой.

Мягкий свет над столом, едва слышная музыка.

«Ты помнишь бабушку с дедушкой?»

Он смотрит на неё.

«Помнишь или сейчас пытаешься вспомнить?»

«Пытаюсь».

Она не мешала, терпеливо ждала, когда перед ним, и следом перед ней, из небытия проявится несуетливая маленькая женщина, стряпающая, моющая и стирающая. А на его крик она бежит как сумасшедшая. Часто ночью Алесь захлёбывается плачем – мокрый, голодный. Бабка врывается в комнату молодых, выхватывает из кровати внука, прижимает к себе, дрожащего и тощего, шепчет: «Ну, успокойся, теперь всё хорошо». А когда он перестаёт вздрагивать, меняет пелёнки, поит его молоком, укладывает с собой. Этого Алесь не помнит. Об этом кричал его отец, уходя от них: «К истошно кричащему ребёнку не могла встать ночью, мачеха! Если бы не мать, разве выжил бы? Только задницей крутить!»

Отец Алеся – барин от природы. Он считает: женщина рождена в услужение мужчине.

И ведь нашёл-таки редкий экземпляр: новая жена подбирает за ним разбросанные вещи, в глаза заглядывает – что подать, кормит на убой.

Иногда отец звонит и, если попадает на неё, спрашивает строго: «Ты хорошо заботишься о моём сыне? Ты крахмалишь ему воротнички?»

Зовёт он сына «Лёсик».

«Ухожу к матери».

Это уж совсем неожиданно.

У свекрови всё время меняются любовники. Вернее, менялись.

Последний был толст, круглолиц и нетерпелив, что, казалось, вовсе не вязалось с его толщиной. Он бегал рысцей и по дому. Есть, спать, гулять – всё надо было делать быстро. Свекровь сама отказалась от него. «Головокружение, а не мужик», – пожаловалась им с Алесем.

А через год после него стала грузная – какие женихи, не очень-то теперь покрутишь попкой. Полюбила сидеть перед телевизором. Готовить она не любит: грызёт орехи или семечки, жуёт конфеты с печеньями, ветчины с колбасами и смотрит всё подряд.

Алесь привык к горячей еде утром и вечером, к обеду в термосе на работе. Орущий телевизор будет мешать ему думать.

Прошло много недель, и Алесь заговорил с ней.

«До встречи с тобой, просыпаясь, я каждый день думал: “Зачем всё это? Проносится день за днём, а до меня никому нет дела, и в какой-то момент я сдохну, как миллионы до меня. Кто я, кому нужно было, чтобы явился я сюда?”»

«Господу, наверное», – тихо вставляет она.

«Какому Господу? Где Он? Когда меня мои предки бросали одного, где Он был? Когда дразнили в классе, где Он был? Щупал себя – вот же, руки, голова, а жив ли я? Зачем я?»

«Господь знает. Он откроет. Подожди немного».

«Это до встречи с тобой я так думал. А сейчас снова вопрос: причём тут Он, это ты такая, что я не один».

«Так это Он привёл тебя ко мне!»

«Нет уж, не Он. Я сам нашёл тебя. Он-то совсем не при чём. О Нём всё враньё!»

Гриф скулит: «Хватит дурью маяться, идём гулять».

И Лиза встаёт.

Гриф давно уже не вскидывает лапы ей на плечи, чуть не сбивая с ног, – заматерел.

Сейчас продолжает терпеливо сидеть: ждёт, что станет делать она.

Она идёт к двери, снимает с крюка поводок.

Вот тут он позволяет себе кинуться к ней, крутит хвостом, повизгивает и тычется в ноги.

Привычные действия – пристегнуть поводок, надеть пальто, проверить ключи, вызвать лифт. Действия, доведённые до автоматизма.

В сквере на блестящей ледком скамье съёжился мальчик, голова безжизненно упала на грудь. Выпустив поводок, Лиза спешит к ребёнку.

– Мальчик! – зовёт.

Тот не реагирует.

Приподнимает его голову.

Один глаз заплыл, губы – белые.

– Что с тобой случилось? – спрашивает.

– Убёг.

– Родители, наверное, волнуются! – Лиза ощущает свой пустой живот.

Подбежал Гриф, обнюхал мальчика, лизнул в лицо и снова бросился к соседнему кусту.

– Вставай, я отведу тебя домой. – Грифом Лиза странно соединилась с мальчиком, словно это она к нему прикоснулась. – Мальчик не двинулся. – Ты из какого подъезда?

Нет ответа.

Попробовала потянуть его к себе.

Да он примёрз к скамье! Колом застыли на нём штаны. С силой рванула мальчика к себе.

Гриф подскочил и заворчал. Ему не понравилось, что она обняла чужого. Погладила Грифа, стала объяснять: нужно помочь. Гриф послушно лизнул мальчика в лицо и застыл, улыбаясь, когда тот ухватился за его ухо.

Идти мальчик не мог, и Лиза понесла его к подъезду.

На вид года четыре, но, судя по голосу и тому, что он откуда-то «убёг», наверняка больше.

Дома с трудом раздела его и погрузила в горячую ванну. Он закричал. Спина и зад исполосованы! Осторожно касаясь живых мест, чуть обмыла, завернула мальчика в простыню, уложила в свою кровать.

Первое: скорее накормить и напоить.

Второе: позвонить в театр и сказать, что не придёт на спектакль.

После котлеты и тёплого сладкого чая мальчик уснул. А она села возле него и стала думать, что делать.

Вызвать милицию? Ей не сказал, где живёт, милиционеру тем более не скажет. Но в любом случае милиционер разбудит, запугает допросом и поволочёт в детскую комнату для выяснения личности.

У неё же нет никаких прав на него. И, может, родители с ума сходят – шутка ли, зимний вечер на дворе!

Гриф сидел рядом и вместе с ней смотрел на мальчика.

Зафиксировать побои нужно в любом случае: это то, из-за чего он убежал. И, если не зафиксировать, никому ничего она потом не докажет.

Лиза вызвала родителей.

Её мать – врач. На государственной пайке, а значит – нищая. Приходят к ней с раком и пневмонией, пьяницы, старухи с ногами-тумбами, просто бесхозные и одинокие – придумывают болезни, поговорить идут.

Её мать – кроткая. Каждого выслушает, каждому подарит доброе слово и подробно расскажет, что делать, чтобы поскорее выздороветь. Потому и сидит мать порой в своей районной поликлинике до ночи – не может не принять кого-то, поторопить не может.

Отец у Лизы артист и мечтатель в жизни. Раскрасил детство. Раскинет перед ней макет старинного корабля, разными голосами подаёт команды, пиратские песни поёт, разрисовывает перед ней сказочные растения на дне океана. Они с отцом носятся по штормовым морям, терпят крушение, попадают на необитаемый остров, ищут пути к спасению сквозь заросли необычайной красоты цветов и кустов. Сами делают модели кораблей – старых и современных. Вереницей стоят корабли на этажерке. А то на неё нападает пират с повязкой на голове, со свирепым лицом и чёрной лентой, закрывшей один глаз. Она от страха замирает, когда он берёт её в плен и сажает в платяной шкаф – в пещеру. Там нечем дышать. Но вот пират превращается в прекрасного принца со жгучими глазами, пышными русыми волосами, улыбкой до ушей и спасает её. Ведёт под руку к столу – ужинать – на зов мамы, которая недавно пришла и на скорую руку сготовила ужин.

В другой раз отец превращается в мушкетёра. И главу за главой рассказывает оключениях Д'Артаньяна.

А то он – циркач – в обтягивающем костюме, и весь вечер они под музыку кувыркаются, лазают через кольцо, задирают ноги.

Кончился отец-артист с Перестройкой.

Прекратили платить ему деньги в его знаменитой биологической лаборатории, где он занимался исследованием флоры. Всю жизнь отца интересовали редкие сорта растений, и хобби превратилось в профессию. Но кому и зачем нужны редкие сорта и хобби в погоне за долларом? Отец походил беззарплатным недолго – в сарае приятеля стали вместе чинить машины. Не прошло и года, купили тёплый просторный гараж. Машин у россиян с каждым годом прибавляется, они ломаются и часто разбиваются в сумасшедшем московском движении, а потому день у отца безразмерный, но хорошо оплачиваемый. А о хобби пришлось позабыть.

Зато ей мечту отец разрушить не позволил и сам отвёл её в Театральное училище, несмотря на то, что добытчицей она явно стать в театре не смогла бы. Несмотря на протесты и уверения, что ей ничегошеньки не надо, тащит ей в дом всё, что может: модный телевизор с видеоманитофоном, телефон с ответчиком, картину на стенку. А от «артиста» и мечтателя остались лаконичные записи на ответчике: «Плыву в Эгейском море, слизываю солёные брызги с губ», «дерусь с ветряными мельницами»... «Солёные брызги» означают – пригнали ему много иномарок, и все хотят отремонтировать их по дешёвке и поскорее, вот и умаялся папенька. А «дерусь с ветряными мельницами» означает склочный характер клиента – суёт клиент нос в кухню мастеров, поучает.

Давно уже отец стал президентом небольшой фирмы, нанял двух слесарей, но любит сам лезть в нутро неполадки.

Редко теперь родители бывают в празднике – лишь в какое-то домашнее воскресное утро. Уж тогда стоит потратить время на двадцатиминутный пробег до их дома. Сидят за завтраком и смотрят друг на друга – вроде как желают друг другу доброго утра. А потом начинают «лить слёзы» по тем, кто не сумел сохранить себя в Перестройке. Тут и спившиеся, и собой покончившие, и нищие... знакомые, незнакомые – те, с чьей бедой столкнулись в прошедшую неделю. Но вот выговорились, и в отце просыпается артист: анекдоты, шуточки, сценки сатирические и комические разыгрываются перед благодарным зрителем.

Посмеются от души родители и разбегутся по своим делам. Отец – на свою фирму: бывший сослуживец, или его сын, или сосед просил за воскресенье починить машину. Мать – в магазин и борщ варить на неделю. Что ни делает мать – приборматывает отцовские шуточки, стихи и песни. Так и потратят воскресенье – в делах и вроде как вместе, потому что сильно спелёнаты они друг с другом.

Наконец отец на пороге!

– Что случилось?

Маленькой любила виснуть у него на шее и болтать ногами. Теперь довольствуется тем, что может уткнуться в его грудь, пропахшую мазутом, железками, машинным маслом.

И в этот день постояли в передней без слов, а потом за руку повела отца в спальню.

Увидев спящего мальчика, тот сел. В ярко-карих глазах тает тоска десятилетия, когда изо дня в день ждал внука.

Что он там себе напридумывал?

Только не тронь отца сейчас. Отец дедом становится. Руки наливаются радостью – ласкать, подкидывать, на ветку дерева усаживать – пусть учится добираться до верхушки.

Не заметила, как мать пришла, пока за отца его новое рождение переживала.

Мама у неё невесомая – половица под ней не скрипнет.

Теперь и мама смотрит на мальчика – превращается в бабку.

Ни полслова не сказала родителям, дура, что не будет никогда у них родного внука, теперь стой над чужим, плоды в родителях ложные надежды. И, чтобы взорвать их, сказала:

– Как звать, не знаю. Что делать, не знаю. Нашла избитого в сквере. Алесь бросил меня.

Сказала всё сразу, чтобы отвели родители взгляды от ребёнка и, наконец, помогли ей.

А они словно не услышали – продолжали смотреть на мальчика.

Но уже снова глаза отца затягиваются паутиной скуки: не наш пацан.

Отец идёт в кухню и, когда они с мамой приходят следом, говорит:

– Дай парню выпатся, он сам всё объяснит. Утром вместе пойдём в милицию.

– Нет. – Впервые в жизни возражает мать отцу. – В милицию не пойдём. Из милиции его отдадут в детский дом. А как детям живётся там, мы знаем. Никто из нас троих этого не хочет. Я составлю акт о нанесённых побоях. У нас с тобой, доченька, разные фамилии.

– Но ты врач не моего района.

– Это не имеет значения. Я шла по скверу и одновременно с тобой увидела мальчика. У тебя дома осмотрела его.

– Алесь бросил меня, – повторила Лиза, удивляясь, почему родители никак не отреагировали на её слова.

– И слава богу! – Отец садится на своё место и включает телевизор. Но тут же выключает его.

Скатерть на кухонном столе розовая с редкими лилиями по краю.

– Дело не в разнице лет, – прячет от неё глаза отец. – Дело в том, что рано или поздно из него вылезет его папочка. Ты не заметишь, как окажешься бабой для obsługi и не будешь нужна ему ты – та, что внутри.

Лиза вскинулась возразить: они часами разговаривают, они понимают друг друга. Отец осадил её взглядом:

– Заматерееет, и ты не будешь нужна ему.

– Откуда ты знаешь? – вырвалось у неё.

– У меня глаза есть, и я кое-что понимаю в жизни.

Тут и мама встряла в разговор:

– Ты заменила ему мать: чуть не с ложки кормила, как младенца, учила его разговаривать и ориентироваться в мире. А теперь он – на своих ногах, необходимость в тебе отпала. Что ещё ты можешь дать ему? Ни денег, ни карьеры, ни удачи!

Она лишь переводила взгляд с матери на отца и обратно.

– Я вижу, ты несколько ошарашена, – вздохнул отец. – Ты думала: удачно выскочила замуж, и мы с мамой в восторге. А ведь мы с ней ни разу не обсуждали ни твоего Алеся, ни твоего брака. Не сговаривались. Оказалось, оба знали одно и то же: не повезло тебе. Не защита он тебе в этой жизни!

– Он защищал... от шпаны... я была с ним... – залепетала было она и прикусила язык и положила руки на свой пустой живот.

– Не была, – возразил отец. – Ты играла роль доброй мамочки. Всем сердцем играла, потому что очень хотела иметь детей, а их не получилось.

– Нет! – во второй раз за жизнь возразила мать отцу. – Получилось. По моим наблюдениям ещё как получилось.

– Мама, откуда ты знаешь?

Мать смахнула слезу. Это было так неожиданно, что отец вскочил и неловко обнял её, низко склонившись к ней, стал гладить по гладко зачёсанной сидящей голове, по узлу на затылке, тыльной стороной руки вытер мокрую щеку.

– Что с тобой? Ты никогда не плачешь.

Откуда мама знает? Лиза ждала: объяснит.

И мама высвободилась из рук отца, устало взглянула на неё.

– В те два месяца ты была такая, как в детстве, когда слушала наши сказки. Ты всё могла. Глаза резало, когда я смотрела на тебя.

– Ты о чём, мать? – осторожно спросил отец.

– О ребёнке. Лиза ждала ребёнка. Очень хотела его. Руки держала на животе. – Мать снова смахнула слезу.

– Ну и где же... – отец запнулся, – тот ребёнок?

– Мама, почему ты так решила? – залепетала Лиза.

– Мы бы знали, правда, доченька? – растерянно смотрит на неё отец.

– Вот что я думаю, давайте сейчас поедим, я очень голодная, и мы с папой останемся сегодня с тобой, чтобы, как только мальчик проснётся, осмотреть его и понять, что делать.

– Я хочу знать, был ребёнок или не был? Если был, что с ним случилось? – У отца чуть подрагивают ноздри. Это бывает очень редко – лишь когда он сильно нервничает.

– Судя по тому, какой потом стала Лиза, она сделала аборт. А сделала аборт потому, что её благоверный не обрадовался, мягко говоря, известию о ребёнке. Зачем ему ребёнок? Лиза должна была жить только для него! Так я говорю, доченька? – тихо спросила мать, не глядя на неё.

– Как же это я ничего не заметил? – горестно воскликнул отец.

– Если ты меня не накормишь, Лиза, умру с голоду, не ела со вчерашнего дня. Есть у тебя еда? – Мама распахнула холодильник.

– Котлеты с пюре мы доели, – пробормотала Лиза. – Осталось немного сыра и колбасы. В морозильнике на всякий случай дежурные пельмени.

– Если можешь, свари их, пожалуйста, а я должна успеть позвонить, что не выйду завтра на работу! – А вместо этого уже вынимала из морозилки пельмени, наливая воду в кастрюлю.

– Мама, я сама.

– Конечно, сама, доченька. Ты всю жизнь сама.

Впервые Лиза видела мать решительной и сильной и поняла, наконец, почему такое количество маминых больных выздоравливает даже после тяжёлых заболеваний. Лиза не могла оторвать взгляда от маминого иконописного лица. «Господи, спасибо, что у меня такие родители!» – повторяла бесщётно, проклиная себя за то, что ничего не сказала им о сыне.

Глава вторая

1

Алесь не пошёл к матери.

Что ждёт его там? Целый день слушать гремящий телевизор или болтовню о пустых сериалах? Герои разделены на «хороших» и «плохих». «Хорошие» – простаки, не понимают ходов зла, их легко обмануть. «Плохие» коварны, расчётливы, безлюбовны. Набор тех и других качеств строго подбит в обойму: от «хорошего» не жди подлости, от «плохого» – благородства. И неважно, о чём фильм, схема отработана: поиск убийцы, торжество справедливости, слюни влюблённых.

Алесь быстро озяб. Уходить от жён надо летом. Сейчас мозги смёрзлись, а нужно срочно решить, куда идти ночевать. Потом, на досуге, в тепле, он разберётся, какой скорпион его укусил.

Школьных друзей не приберёт. Папашка не любил держать его в одном и том же коллективе – вдруг отпрыск привяжется к учителю или приятелю – и устроил ему из нежных лет учёбы чехарду: каждый год переводил из школы в школу. Алесь должен был только папашку любить и постоянно возносить благодарности за то, что папашка поспособствовал его рождению!

Вот и не завязался узелок ни с одним ровесником.

С институтом папашкины штучки не прошли. И на лекциях с семинарами Алесь просидел с одними и теми же гавриками, как звал его однокурсников папашка.

Поначалу приглашали его гаврики пить пиво или на вечеринки, но Алесь не шёл: он уже превратился в сосуд с пробкой, заткнутый наглухо.

Ещё и из-за мамани. И с ней не получилось связаться узелком. Ей было всё равно – холодно ли ему, одиноко ли, есть ли у него приятели поиграть, меняет он школы или сидит в одной – она не провожала его и не встречала. И из-за мамани тоже таскал Алесь в себе комплексы изгоя.

Нечего ему делать у мамани!

Народ, побеждённый, бежал с поля боя по домам: мороз драл лицо, вцеплялся в тело под одеждой. Один Алесь бросил ему вызов и, вопреки ему, гнал себя неизвестно куда. Он потерялся в собственном городе. Буквально рухнул на скамью в сквере перед фиолетовым зданием, похожим на Дворец из сказки – с башенками и выступами. Часть окон в нём была ярко освещена.

Не успел примёрзнуть к скамье, в сквер вошла дама. В мехах и высоких сапогах, надёжно упакованная от холода.

«Рисковая, – подумал Алесь, – в таком наряде, с такой тугой сумкой, наверняка набитой купюрой, одна гуляет в бандитском городе!»

Дама курила и шла к скамье в углу сквера.

«Или я в невидимку превратился, или она шибко зациклена на чём-то», – подумал Алесь.

А она достала из сумки телефон, нажала кнопку и разразилась матом:

– Это что же ты, мать твою, срываешь мне мою малину? Так тебя, гвоздь ржавый! Или даёшь, или не даёшь! – Она замолчала и тут же закричала на него: – А ты что тут делаешь, педик гнойный? Подслушиваешь?

Встала перед ним с покорно молчащим телефоном, дымила ему в лицо, согревая, и орала:

– Кто позволил тебе сюда влезть, отморозок? Это моя территория. Что тебе здесь надо? Шпионишь, жопа рваная?

Из-под её грубого голоса и словесного поноса он рванулся со скамьи, кинулся вбок, чтобы не сбить её, но не успел сделать и шага, не то что убежать, как отлетел в сугроб.

– Одной левой! – хохотнула она. – Небось, так не умеешь? А ну, дай мне сдачи, ишь, посинел весь. Гляди-ка, не бандит. Не шпион, нет. Рожей не вышел, и кишка тонка. Сопливый. Слабак.

Телефон уже в сумке, сигарета – в сугробе, а дамочка обеими руками приподняла его, поставила перед собой.

– С голоду пухнешь аль баба выгнала?

– Сам ушёл, – сказал он зло и сбросил её руки с себя.

Агрессия её исчезла, и заговорила она жалостливым голосом, каким говаривала бабушка:

– Не добытчик, нет. Не можешь прокормить свою бабу, и стыд заел.

«Ишь. Психолог», – подумал с удивлением.

До этой минуты никак не мог он сформулировать для себя причину игры в гляделки с Лизой и Грифом, бегства из дома и чувства бесплотности, возникшего в результате единоборства с морозом, – он потерпел поражение. А главная-то причина вот она: он не может прокормить свою бабу. Не бабу – Лизу.

Не сегодня перестали платить в его НИИ. Целый месяц тыкался в подобные институты и лаборатории, но все они так же, как и их НИИ, сдохли: ни нужных веществ с оборудованием, приборами и прочими необходимыми составляющими для исследований, ни зарплат. Голый энтузиазм. Стал соваться в фирмы, растущие, как грибы в дождливое лето, русские и иностранные, но ни в одну его не взяли – то ли, как сказала дамочка, рожей не вышел, то ли эта рожа в улыбку не растягивалась.

Сейчас, стоя перед странной дамочкой, то ли блатной, то ли тонким психологом, видел, как перед смертью, бегущие картинки. Сидят перед ним Лиза и Гриф, смотрят оба собачьими глазами, а он подыскивает слова побольнее: «как актриса не состоялась», «ребёнка не родила». Лиза играет старуху – в нелепой одежде, скрывающей её подростковую фигурку, с волосами седыми, свинченными в неухоженный пук, типичный для старой девы. Папашка выговаривает Лизе: «Это что же ты плохо кормишь моего Лёсика? Похудел как!»

– Колоться будешь иль, как Карбышев, превратишься на морозе в статую? Правильно я поставила диагноз: остался без ням-ням, без бумажек шуршащих и бежал от своей бабы, подхватив спадающие с жопы портки? Ну? У меня времени на тебя нет.

И тут он разозлился:

– А ты из тех, кто вовремя сориентировался да погробал к себе наши зарплаты, так? Воровать умеешь. Вот-вот, времечко для таких, как ты: мат-перемат, кулаки вместо слов, счётчик вместо мозгов и рентген вместо глаз – где это у кого плохо лежит, кто из homo sapiens – «слабак», «сопливый», а ну, на морозец его, пусть подышает, а ну – мордой его в сугроб, а мы – в соболя упрячемся, рожу раскрасим, сигаретку в зубы сунем и купюры в сумку из кожи живой души!

Дамочка захохотала:

– А ты вегетарианец! А ты завидуешь?!

Он пошёл из сквера.

Оборвался смех.

Резко ухватила его за руку.

– Стоять, дурак.

– Это у тебя получается – оскорблять. Думаешь, всю жизнь будешь вот так шиковать? Бедная ты моя. Не ведаешь, что творишь. А про болезни и природные катаклизмы слыхала?

А про то, что стрелка-то умеет и на сто восемьдесят градусов поворачиваться – жопу (это твоё слово, бедная!) показывать! Думаешь, сила жизни – в шуршащих? Мне жалко тебя, цыпочка, – сыпал он не своими словами, неизвестно откуда подскочившими на язык. – Убить меня можешь, если в твоей кожаной пистолетик для этого дела имеется, а обидеть – нет, плевал я на таких, как ты. Это из-за таких, как ты, ворюг, нам и перестали платить в НИИ?!

И он пошёл из сквера, не ощущая ни рук, ни ног, ни губ. Небось, половина слов смазалась.

Но не успел дойти до выхода, как снова полетел в сугроб. И теперь дамочка не остановилась на этом: откинула сумку в снег, склонилась к нему и стала хлестать по лицу.

И вдруг горячие слёзы обожгли его щёки. А взгляд на лице, нависшем над ним, – детский. Молчит это новое существо долго. А потом говорит тихо:

– Пойдём со мной, пожалуйста.

Он отпрянул.

– Ты что?! Ты что?! Для этого я не гожусь, – забормотал еле слышно. – Я не хочу. Мне не надо. Не нуждаюсь, нет.

Она снова захохотала.

Он никак не мог уследить за перепадами в её настроении, сменами обликов.

– Ты что?! – сквозь смех заговорила она. – Решил, в полубовники зову? Нет, Найдёныш. У меня их два: один – действующий, другой – предыдущий, но в любую минуту готовый снова стать настоящим. С этим у меня всё в порядке. Мне, парень, хоть один честный нужен, чтобы я в нём была уверена: не обманет меня, – она ткнула себя в грудь, – у меня не украдёт. Ну, прости, обидела ни за что! Битая я перебитая. Срок мотала, набралась всякого. Таких, как ты, не видела. Сам подумай, где с такими могла встретиться? Наверх шваль со дна поднимается. А я от быдла устала, понимаешь? Сама себе удивляюсь, что это со мной вдруг стало – так ты мне необходим сделался?! Пойдём со мной. Я – президент фирмы под названием «Мусор». Это я так называю мою фирму, хотя она имеет пышное название. Помещается моя фирма в этом вот Дворце, построенном специально для меня. Тебе ведь ночевать негде, так? Кабинетик в моём Дворце выделю тебе с диваном! На первых порах поживёшь в нём. А потом и жильё справлю. Зовут меня Варвара. Имя, прямо скажем, рычащее. Зато не жадная я, нет, привыкла делиться. Ну, прости меня! Пойдём, – повторила она, – пожалуйста! – И голос у неё был, как у маленькой девочки, и смотрела на него она как маленькая девочка.

В кабинете усадила его на диван, не раздеваясь, откинула гордо голову, руки в боки упёрла и радиоголосом заговорила:

– Все думают: мусор – отбросы от еды, бутылки стеклянные и пластиковые, бумага всякая. А вот и нет, Найдёныш! Это золото, по мановению волшебной палочки превращающееся в шуршащие. Весь район – мой, заводы у меня имеются сортирующие и перерабатывающие. Я, Найдёныш, купаюсь в золоте. Железки, любой металл – одна статья дохода, картонки с бумагами – другая, пластики – третья, стеклотара – четвёртая. Что вытарацился? Грейся в моём золоте. Пользуйся. Диван – фирменный, из кожи, стол – фирменный, стенки, посмотри, как сверкают! И всё, мой дорогой, из мусора, из «говна». Конфетка получилась, а не контора. А теперь болтовню обрываю, скидывай оттаявшую покрывку демисезонную, а я чаем начну отпаивать твоё промёрзшее нутро.

Варвара сбросила с себя шубу, шапку, и без своих соболей получилась упитанная продавщица – со включенными, вытравленными в мёртвый белый цвет волосами. И на этом фоне губы – пухлые, глаза – густо-синие.

– Раздевайся, – приказала. Алесь встал, пошёл к выходу. – Это ещё куда? – Варвара распахнула руки в дверях.

– Не хочу.

– Чего «не хочу»? Ты ещё не знаешь, чего можно хотеть, чего нет.

– Мусора не хочу и конфетку из «говна», иметь с вами дела не хочу. Чтобы руку на меня поднимали, не хочу.

Пульсировала в голове оттаявшая кровь.

Сейчас в нём больше сил, сейчас он отшвырнёт её от двери!

– Иди, если совсем невмоготу. Но прошу... если можешь, помоги.

2

В двенадцать часов ночи, когда они пили чай с сушками, раздался звонок в дверь.

– Ты ждёшь кого-нибудь? – спросил отец.

Лиза пожала плечами. А сама так и вытянулась к двери – вернулся?!

Гриф заворчал, стал принюхиваться. Не Алесь. И она повисла на стуле.

Отец пошёл открывать.

– Что случилось с Лизой?

– Лиза, что с тобой? Ты так побледнела! – Мама поднесла ей воды.

Лиза встала в ту минуту, как Гоги вошёл в кухню следом за отцом.

– Вы родители Лизы?

Кухня сразу наполнилась его низким сильным голосом:

– Давайте знакомиться. Простите, что кричу, привык. Я режиссёр театра, в котором работает ваша дочь.

– Работала, – сказала Лиза. – Больше не работаю.

– Это ещё почему... – начал было Гоги, но отец остановил его:

– Мы знаем, кто вы. На все премьеры ходили! Садитесь, пожалуйста, сейчас я вам чаю налью.

Мама уже доставала из холодильника сыр, колбасу, резала хлеб, делала бутерброды. Отец поставил на стол бутылку.

– К сожалению, немного, но за знакомство нам хватит.

Алесь вчера устроил пьяный вечер. Подливал им обоим и просил: «Пей, пожалуйста, читай мне стихи, я кончаю, когда ты читаешь», – сказал странные слова, совсем ему не свойственные. «Знаю, не пьёшь, но хочу, наконец, разжать тебя. Мне кажется, ты себя всё время в корсет засовываешь».

Она всё-таки выпила, но начать читать стихи никак не могла: что-то стояло между ними вчера. Это «что-то» – его сегодняшнее бегство от неё. Знал Алесь вчера или не знал, что сегодня сбежит?

Гоги отхлебнул чай, откусил сразу чуть не полбутерброда.

Жуёт он быстро, как говорит.

А говорит сейчас отец:

– Вот решили навестить дочку. Почти не видимся. Работаем оба много. Крутиться приходится.

– Из-за этого на спектакль не пришла? – спросил Гоги.

Он вовсе не грузин, несмотря на гриву тёмных волос. А «Гоги» – потому что Георгий. И отчество нормальное – «Кириллович». И зовёт она его не «Гоги», а «Георгий Кириллович», потому что он – её главное начальство.

И, зачем явился, непонятно. Не ходит он по домам простых смертных – пьёт с маститыми. Во все глаза смотрит Лиза на Гоги, а он берёт второй бутерброд и невинно подыгрывает отцу:

– Согласен, не будешь сейчас крутиться, ничего не выкрутишь.

А сам сутки проводит в театре, интересно: что для себя выкручивает?

От водки его щёки и кончик немного удлинённого носа чуть порозовели.

Если бы раньше пришёл, не дышала бы, замерла бы. А сегодня будто так и надо: сам Гоги, главный режиссёр одного из лучших театров Москвы, сидит в её кухне, пьёт с её отцом водку, не допитуя вчера ею с Алесем, и ест бутерброды и варенье, что мама всё подкладывает.

Зелёный взгляд до кишок достаёт, не мужик – лазер. Актрисы готовы друг друга соляной кислотой поливать, крутятся перед ним – нарядами красуются.

– Где твой Алесь? – в упор взглянул на неё Гоги и залпом допил свой чай.

Мать снова налила.

– В командировке. А что?

– Почему не явилась на спектакль? – Снова смотрит не мигая – не вывернуться.

– Не состоялась, – вылезло Алесиное слово.

И, лишь произнесла его вслух, поняла, как оно задело её – до сих пор спазм глотку сжимает.

– Чего это «не состоялась», а? – спросил Гоги.

– Актриса из меня не получилась, – уточнила она.

– А-а! – Он зевнул. – Значит, «как актриса не состоялась»? А когда же ты до этого додумалась, а?

– Чего думать, санитарка в больнице, старуха-уродина, продавщица-воровка... – старательно перечисляла она свои роли.

– Раневская тоже не состоялась? – индифферентно спросил Гоги.

Лиза поперхнулась чаем.

– Причём тут Раневская? Она моя главная...

– Это и ежу ясно, кто она для тебя, не то что мне, матёрому волку. Все её роли, девочка, по определению проходные, характерные, но их обычная актриса не сыграет, а голубые роли манекенов, в простонародье именуемые главными героинями, могут сыграть и бездарности. Лупи глаза на героя-любownika, падай вовремя в обморок, вздыхай в паузу. Тьфу! Да, Раневская играла роли проходные, смешная она, наивная, но по меркам глубины... она – актриса масштаба Чаплина.

– Вот тебе и поворот! – пробормотал отец. – Ты что, мать, опять ревёшь? – спросил грубовато. – Просто фабрика слёз. – Он сжал руку жены.

А мать руку выпростала и торопливо стала собирать новый бутерброд.

– Раневская – актриса трагедийная, драматическая, – продолжал, почему-то волнуясь, Гоги. – А её использовали на один процент, осталась не востребована! Ты большая актриса, Лиза. И я не хочу, чтобы ты осталась невостребованной. Я пришёл предложить тебе главную роль.

– Манекена? – собрала она силы в насмешку. Крутились перед ней Чеховские, Горьковские главные героини, звучали их голоса, и сыпались лепестки вишенных цветков, и сочились водой стены ночлежки.

Гоги рассмеялся.

– Молодец, девочка. – И принялся за следующий бутерброд. По очереди подолгу разглядывал родителей и её. Прожевав, сказал: – Породистая у тебя семья.

– Борзых щенков производит, – снова не удержалась Лиза.

Он кивнул.

– Вот-вот. Завтра в одиннадцать чтение новой пьесы, прошу тебя, не опоздай.

– Я ушла из театра, Георгий Кириллович. Это не шутка, не игра. Мне не нравится моя прошлая жизнь, и я решила начать новую.

– Ты это всерьёз?! – взревел он. – Ты с ума сошла?! Ты самая яркая во всём театре. Да, я тебя придерживал. Да, я тебя настаивал...

– Но я не настойка. И много лет я ждала ролей. И, как пёс, ждала доброго слова. Поздно. Переждала. Я хочу прожить свою жизнь, не чужие.

– Доченька! – раздался крик матери.

– Доченька! – вторил ей отцовский рык.

– Вот видишь, родители тоже ничего не понимают.

А она легко засмеялась. Наконец спазм разжал её, и пропали нарядные героини. Наконец она поняла.

– Вот-вот, именно это! Я хочу прожить свою жизнь, не чужие, – повторила уже осознанно. – И папка сказал сегодня: я роль мамочки играла в семейной жизни. Я много лет играю чужие роли, живу чужие жизни. А я-то сама – кто, а какая-такая жизнь – моя?

– Ну и кто ты? – сердито спросил Гоги.

– Пока не знаю. Разве не интересно хоть и не на старте жизни, а понять всё-таки: кто я?

– Ты сошла с ума! – повторил Гоги очень тихо. – Я вдруг очень устал, и у меня совсем нет сил объяснить тебе, доказать тебе, что ты актриса – от Бога, это твоё призвание, это твоя единственная судьба. И ты – единственная женщина, которую я встретил... и если бы ты...

– Что?! – вырвалось у неё и у матери.

Перед глазами заплясали кляксы красок.

Размываются друг другом, смешиваются в причудливые оттенки и сочетания, рассыпаются.

Происходит что-то странное с той минуты, как Алесь взялся уходить от неё, а Гриф стал громко бить хвостом по полу.

Сейчас Гриф вдруг уткнулся в её колени лобастой мордой и мягко зубами прихватил её руку.

Она пришла в себя. Потрогала голову, провела по лицу.

– По-моему, я сегодня сошла с ума.

– Нет, ты не сошла с ума. – Оказалось, у Гоги совсем нет голоса, и нужно догадываться, что он говорит. – Если ты уйдёшь, я погиб, я не смогу быть режиссёром. Ты все эти годы делала меня всемогущим.

– Где же ты, сынок, был раньше? – перебил его отец. – И почему держал её в чёрном теле?

– Съели бы!

– Кто? Кого? – пробормотал отец.

– Бабы. Её. Берёг я её. Охранял. Ждал часа.

– И чем же этот час отличается от предыдущих? Или теперь они её не съедят?

– Теперь я могу защитить.

– Не понимаю, – сказал отец. – Как это?

– Я пришёл делать ей предложение. Зачем ей такой молодой? Он же в ней ничего понять не может!

– Простите, а разве вы не женаты? – осторожно спросила мама.

– Дурдом, – пробормотала Лиза. Ни в одной самой хлесткой мелодраме такого не увидишь: чего тут только ни намешано в одном действии!

– А я ушёл из семьи.

– Когда?

– Сегодня днём. Перед спектаклем. Я сказал жене: «Не могу больше врать, много лет люблю другую».

Лиза замотала головой.

– Дурдом! – повторила она. – Мне нужно срочно спать. Я ничего не понимаю. – Она встала, и Гриф закрутил хвостом.

– Лиза, подожди! Вот при родителях прошу: разойдись с Алесем, выйди за меня. Не уходи из театра. Лиза! Роль не манекена, характерная, противоречивая. Только для тебя. Кроме тебя никто не сыграет.

Никак не могла выбраться из вязкости путаницы и осознать происходящее.

– Пожалуйста, дайте дочке выспаться. Вы же видите, она совсем не в себе. Ведь завтра наступит, – жалобно говорит мама.

– Ты придёшь завтра? – спрашивает Гоги. – Скажи, что ты придёшь, и завтра наступит! – повторил он мамины слова. Обеими руками Лиза держится за Грифа. – Я позвоню тебе утром!

Гоги идёт к двери. И Гриф, выскользнув из её рук, спешит за Гоги, размахивая пушистым хвостом.

И все они гуськом следуют за Гоги и Грифом в переднюю.

– Я завтра позвоню, – последнее, что слышит она в этот день.

Глава третья

1

Когда Алесь утром проснулся, Варвара уже сидела за письменным столом и жевала бутерброд с колбасой.

– Кофе в кровать не будет, Найдёныш. В лифте ткнёшь кнопку 0. Наша едальня – магнит для всего района: повара – классные, сервис – на уровне. Напьёшься кофею и наешься до отвала. А сперва вот тебе ключ от душа. Чистые полотенца в шкафу. Не могут же шоферюги со свалок валить домой! Разит от них на километр!

Продавщица смотрела на него в упор, словно чего-то ждала.

Почему «продавщица»? – осадил себя. И тут же увидел Варвару за прилавком: стоит и жуёт – то кусок сыра-ветчины, то сдобную булку. Щёки – круглые, розовые, губы – ярко-красные.

Варвара оборвала видение:

– Наголодалась на зоне, вот и жру что ни попадаю. Из жратвы культ устроила – в столовке полно деликатесов. Скоро в дверь не пролезу! Катись лопай и вали обратно: буду вводить тебя в курс дела. Да помни: поручаю тебе самый... – Зазвонил мобильник, и она на той же ноте продолжала по телефону: – Послала одну фуру. Выпиши ещё две. Не канителься, мать твою, тёлка!

Душ, еда. Снова кабинет.

Но в нём вместо Варвары – белобрысый мужик двух метров, через правую щёку – шрам.

– Это тебя Варька себе взяла?

– Что?

– Ты не чтокай, а слышь сюда: или я тебя порешу, или сам убирайся подобру-поздорову.

Алесь отступил к двери, в дверях – Варвара.

Поднесла фигу под нос мужику.

– Вот тебе будет пирог, коли ему поперёк встанешь, х... собачий! Он не любовник, раз, и от тебя ничего не убудет. Делаю его совладельцем, потому что никому из вас не доверяю, два. Тронешь его сам или кого-то наймёшь, чтобы тронуть, тебя в живых не будет, три. Моё слово знаешь. Тебя назначаю его охранником и, если хоть волос из его кудрявой шевелюры упадёт, без жалости порешу, ясно?

– Ясно, Варька. Только ты мне ещё ответишь за этого прынца. Где выкопала?

Варвара грудью пошла на него.

– Ты с кем это разговариваешь, гниль подзаборная, мать твою? – Мужик попятился. – Я тебе отвечу? Или ты мне ответишь? – Она со всего маху вlepила ему пощёчину. – Это тебя я выкопала оттуда же, откуда сама вылезла: из выгребной ямы. А его мне Бог послал. Слыхал про такое? Из полубовников тебя выброшу и растопчу. Я дала тебе бабки, квартиру, фазенду и тачку! Мало дала? По морям с тобой каталась? Запомни, рука у меня длинная – достану со дна морского. Выбираешь: мы с тобой, как было, спим вместе, а с него ты пылинки сдуваешь, или выметайся на просторы родины, а всю твою недвижимую я конфискую.

– Да я тебя...

Она засмеялась.

– Ну и что ты меня? Пришьёшь? И с чем останешься, мать твою? Думаешь, новому начальнику понадобится? Новая метла чисто метёт. Не только бабу потеряешь, но и всё,

что с её подачи имеешь. Своих извилин не прочертил, пользуйся, пока я добрая. И ненавидеть его не смей. Полюби, как себя. Ясно? Прочь пошёл! Впрочем, постой-ка, что ещё скажу. У тебя есть жена и две девчонки, так или нет? Как я к ним отношусь, а? Сыты, одеты, по курортам катаются, так или нет? Давай сыграем в такую игру. Я тоже, пожалуй, выйду замуж. Не дрыгайся, фиктивно. Сравняюсь положением с тобой. И получу кучу выгод: передо мной откроются двери, пока закрытые. Одно дело – одинокая баба, другое – баба при культурном мужике. Сечёшь? Размахнёмся. Запущу я законного мужа в правительственные учреждения! – Она хохотнула.

– Этого в мужья возьмёшь?

– Ещё кто кого возьмёт, дурак! А теперь пошёл прочь! И запомни про пылинки. Сдувай и благодари Бога, что допустили тебя до высокой персоны.

Алесь как застыл при виде мужика, так и стоит.

А Варвара уже снова кричит по телефону, каждое слово пересыпая матом, на него не обращая никакого внимания.

И под её криком и матом он постепенно приходит в себя.

Окно – во всю стену, залеплено снегом.

Ледяная избушка, грубая баба, уголовный мир – третья его жизнь?

И вдруг голос Лизы:

«Как бронзовой золой жаровень,
жуками сыплет сонный сад.
Со мной, с моей свечою вровень
миры расцветшие висят...»¹,

«...в нас вошла слепая радость,
и сердца отяжелели...»².

Алесь ворвался в паузу:

– Как вас по батюшке?

– Чего?!

– Как вашего отца звали?

Варвара, не понимая, тарачится из своего крашеного перманента.

– А тебе зачем понадобился мой производитель, мой спермодонор?

– Вы взяли меня на работу, так? Моего отца Леонидом зовут, значит, я – Алесь Леонидович.

– По отчеству будешь меня величать? Тогда зови Цыгановна. Мать сказала: с цыганом меня приспала.

– А по паспорту?

– Какому: старому или новому?

– Не понял.

– Что понимать? Сама себе паспорт купила, когда на свободу вышла. От старой жизни только Варвару оставила, потому что имя у меня рычащее.

– Ну а отчество вы себе какое придумали? Тоже рычащее?

– Ну... Родриговна я.

¹ Борис Пастернак.

² Николай Гумилёв.

– Как? – Он засмеялся. – Радмира, Радимира знаю, Родрига или Радрига – нет. Похоже, выдумали вы новое имя.

Снова она смотрит на него снизу вверх – зависимо.

– Чего это вы так букву «р» любите? Ну, дело ваше, Варвара Родриговна. Ставлю одно условие: при мне не материться. Не хочу жить в помойке.

Зазвонил телефон. Варвара подхватила трубку.

– Ты, что, оторва, врешь, мать... – и замолчала, и лишь шевелила по инерции губами. А потом отключила телефон. – Круто берешь, партнёр. Я другого языка не знаю. Ты же, небось, не только мат, весь мой язык отменишь?!

Зазвонил телефон. Нажала кнопку и тут же разъединилась.

Всю ночь шёл снег и ветром прибивался к окнам. Замуровал их с Варварой наедине в кабинете. Он в ловушку попал!

– Ты на меня посмотри, – приказывает Варвара. – Чего в окно уставился? А это слово годится, или нужно культурненько – «смотришь»?

– Вы, Варвара Родриговна, хорошо подумайте, гожусь ли я вам в работники? – спросил Алесь уныло, готовый резко распахнуть окна, чтобы снег слетел со стёкол. – Если да, говорите конкретно, что я должен делать. Только прежде ответьте на вопрос: как это я могу быть вашим совладельцем, если не внёс и не могу внести ни рубля, ни доллара? В альфонсы, что ли, хотите меня взять и кидать мне подачки с барского стола? Так я для этого тоже не гожусь. Привык работать...

– Вот что, Алесь Леонидович, тут распоряжаюсь я. Моя фирма. И в совладельцы беру я. Что значит – ни доллара не внёс? Зарплату буду тебе платить исправно, половину погонишь мне, ясно? Вот и твоя доля!

– Какая уж тут моя доля, если вы всадили в свою фирму наверняка миллионы?

Варвара захохотала.

– Ты идиот или притворяешься? И впрямь думаешь: мне вместе с волей вручили конвертик с миллиончиком? – Она постучала по столу. – Дурак ты, дурак деревянный. Мусор, Алесь Леонидович, – это золото, я говорила тебе, только ты плохо соображал с холоду. А я вовремя допёрла. Напрокат модных нарядов набрала да сунулась по кабинетам. Тогда стройная была – фигуристая, при глазах-плошках. Рожу раскрасила, волосы в шестимесячную сунула. Шикарная стала. Сложи теперь сам: мозги, – она постучала себя по голове, – понимание момента, энергия и вылезший наверх знакомый фраер. Университетов тут кончать не надо. Он и с людьми нужными свёл, и ссуды организовал, и Дворец для меня на месте развалившейся пятиэтажки приказал возвести перед парчком, где мы с тобой встретились, и первый полигончик для меня открыл. Ни он, ни я теперь не внакладе. Давай садись в своё кресло, я рассядусь напротив.

– Не гожусь я для этого, – прервал её Алесь. – Непонятно, чем вы тут занимаетесь, может, я вовсе не захочу близко к этому подойти. Нутром чую: не чисто тут. Уж очень быстро вы тут обогатились, Варвара Родриговна: и людям платите, и себе оставляете от пуза. Что-то тут не так!

Варвара приосанилась.

– Ты скажи, чего больше: жратвы или мусора от неё? То-то, а мусор гонит баблы, по-культурному – «деньги». На твои условия согласная. При тебе постараюсь глотать свои родные рулады, а если проскочит матерок, плачу сто «зелёных» за штуку. Тебе вышла б выгода, если б я позабывалась! Теперь мои условия. Ты весь, с потрохами, горишь на мусоре. После рабочего дня два часа учишь меня всему, что сам знаешь. Устраиваешь не ликбез – университет! Всё, что сам знаешь, – повторила она, – со мной делишь! Книги, фильмы и вся прочая мутотень мне. Буду читать и задавать вопросы. Я шибко дотошная. Читать люблю. Восемь

классов взяла в не дерьмовой школе! Без троек кантовалась! Это на зоне из меня повыбили русский, под завязку новый язык загрузили. Сделай из меня интеллигентную! Отплачу.

Теперь она уставилась в окно. И молчит.

Вырывается само. Строчками Лизу вызывает:

Среди миров, в мерцании светил
Одной звезды я повторяю имя...
Не потому, чтоб я Её любил,
А потому, что я томлюсь с другими.

И если мне сомненье тяжело,
Я у Неё одной ишу ответа,
Не потому, что от Неё светло,
А потому, что с Ней не надо света.

Открыл глаза – Варвара как смотрела в окно, так и смотрит. И вдруг слово за словом повторяет всё стихотворение Анненского, даже интонацию сохраняет. И говорит – «спасибо». И снова молчит долго. А потом едва слышно спрашивает:

– Как думаешь, осилю я твою науку? Вроде память при мне. Осилю – имя с отчеством поменяю и фактуру с рожей тоже. Опять в фигуристые подамся.

Дурдом. Снится ему Варвара, и забитое снегом окно, и перспектива разбогатеть. Он передёрнул плечами. Вроде его это мешок с костями, а голова плывёт отдельно.

– Бежал ты голый от своей любимой. После обеда поедем купим тебе барахло с дублёнкой... всё, что надо, для новой жизни. Не волнуйся, не дарю, в счёт зарплаты. А квартиркой в субботу займёмся.

– Почему вы решили, что от любимой? – вырвалось у него.

– В другом случае сидел бы ты сиротой на ледяной сковородке, примерзал бы задницей? Ни в жисть. Летал бы шмелем, расправив плечи. Печалился ты сильно. С жизнью расставался. Ладно, хватит сопли распускать. Слышал, небось, про стадионы? Болельщик, нет? Стадион, Алесь Леонидович, – это пивные бутылки, водочные, кока-колы всякие, пакеты из-под бутербродов и пиццы, консервные банки. Болельщик не только болеет за своих со свистом и грохотом, но ещё пьёт и жрёт, ой, прости за нелитературное слово, хотя это, заметь, не мат, Алесь Леонидович. Так вот, сколько я после футбола и хоккея соберу бутылок, жестянок, пластиковой тары и бумажных пакетов, умножь на тех, кто сидит на стадионе, а? Ну, что я тут сделаю кому плохое? Только чистоту наведу. А о супермаркетах и больницах ты слышал? Вот со всеми в районе у меня договор. Они платят мне большие деньги, лишь бы я поскорее убрала за ними, вывожу говно, ой, прости, Алесь Леонидович, вернее, золото хапаю обеими руками!

– А что вы с этим сомнительным золотом делаете?

– Ты когда-нибудь собирал макулатуру?

– Ну?

– Что «ну»? Школьникам в советском государстве не платили, нет. А по-хорошему за это полагаются большие баблы, ой, прости, деньги.

– За что?

– Да за жестянки – их переплавляют, пакеты и картоны снова в бумагу перерабатывают, и пластиковую тару... А сортируются жестянки да пластики прямо при полигоне и тут же развозятся по заводам. Большие деньги, – повторила она, – со всех сторон текут ко мне, Найдёныш, только хватай! Всё мне одной!

– А разве вы своим работникам не платите? А разве вы не должны своему «фраеру», а по-интеллигентному – покровителю, что подарил вам Дворец и прочее?

– Ура! – закричала она. – Ты сам сказал – «фраер», видишь, без блатных слов – никуда! Конечно, плачу фраеру, и мэру плачу, и ещё кой-кому. Только мизерные получаются денежные знаки по сравнению с теми, что стекаются в мой подол.

– Ну, а я что должен делать в вашей епархии, владычица морская, если у вас всё схвачено? Вы уже всё наладили.

– А вот и нет, Найдёныш-ровесничек. Проблем немеряно. Из-под носа у конкурентов вырвать новые объекты, отхватить последнего писка немецкое оборудование для прессовочных пунктов и заводов, особенно важны брикетировочные прессы, что изменяют картинку с полигонами, и т. д. и т. п. до кучи. Ты во всём этом лучше скумекал бы, чем кто другой, и в языках наверняка сечёшь, и политес всякий знаешь. Но сперва помоги обрубить воровство. Есть у меня Генка, всё под свой контроль взял, клянётся – везде порядок, а я чую: воруют у меня по-чёрному!

– Ну и как, вы предполагаете, я могу это сделать, Варвара Родриговна? Бегать за ними, за руку хватать?

Она засмеялась.

– И куда ж ты бежать намылился? Нет, Найдёныш, тут нужны компьютерные мозги, тут нужно в цифрах, как в воде, плавать.

– Бухгалтером, что ли, я должен стать? Так это не моя специальность. Я, хоть и математик с физиком вперемешку, а не бухгалтер, к тому же чистый теоретик.

– Никому сейчас и даром не нужны теоретики, не то что за деньги. А вот мне твои мозги ох как нужны, чтобы навести порядок в мозгах моих так называемых сподвижников. – Она усмехнулась. – Хочу, чтобы ты занялся психологией, до кишок раздел каждого и всё мне разобъяснил: кому могу доверять, кому нет.

– Вот это да! Вы же лучше меня в людях разбираетесь! Вы же их в многоликости изучили, до кишок, по вашим словам, раздевали! Я же не психолог и в людях ничего не понимаю.

– Почему и выбрал в жёны лучшую из баб!

– А вы откуда знаете, кого я выбрал? – Он внезапно охрип: Варвара в их замкнутое пространство впустила Лизу.

– Что тут знать? Тебя вижу. Уж очень ты любишь её. И уж очень не похожа она ни на кого.

Вот кто психолог, – хотел сказать...

Лиза слушает их разговор. Лиза вводит его в новую жизнь.

– Язык проглотил? Будешь врать, что не психолог. Я глаза на одежду, на факты, а у тебя – интуиция. Мне нужна твоя интуиция.

Зазвонил телефон.

Лиза вошла в библиотеку вместе с клубом крутящихся струй света и волн, накрывших его с головой.

Нетипичная. На груди косы родного цвета и беззащитность.

О чём она говорит с библиотекаршей – модной девицей на каблуках?

Звенит в ушах.

Она берёт из рук библиотекарши книгу, идёт к нему.

Она идёт к нему!

– Мать, стоп... когда решишь моё дело? Два дня хватит? Что случилось? Ничего не случилось.

Алесь удивлённо смотрит на Варвару. Откуда взялась?

«Что случилось?» – «Ничего не случилось».

Он снова то в прорубь ныряет, то в кипяток. И вдруг кричит:

– Я ей сказал: она не состоялась как актриса, а она – большая актриса... таких и нет сегодня. Я – убийца, я – подлец, какой психолог?! Я ей ни слова не сказал, когда она... о сыне... – Он на бегу замолчал.

«Что случилось?» – «Ничего не случилось».

Лизин голос: «Сверху кто-то меня ведёт...» Он зажал уши.

2

И завтра наступило.

Топотом босых детских ног. Мальчик нёсся в уборную.

Рывком Лиза села на узком гостевом диване – на их с Алесем кровати, раскинувшейся на полкомнаты, спал сегодня безымянный мальчик.

Когда он вышел из уборной, Лиза, в халате, уже сторожила его.

– Умываться будешь?

Без слов он юркнул в ванную, чуть плеснул водой в лицо, вытер руки и стоял – смотрел на неё круглыми глазами.

Обхватить его обеими руками, прижать к животу, а она лишь смотрит – в себя вбирает его преданный взгляд, выпирающие ключицы, рёбра, тощую шею и уже собирает в голове сказку для мальчика про летящего к обиженным волшебника, раздаривающего путешествия и игры. Какая сказка?! Его нужно отвезти домой!

– Ты сбежал от родителей или из детдома? – спросила.

– Подожди, доченька, дай я сначала зафиксирую побои.

Лиза вышла из ванной. Она одевалась, ставила чайник под незнакомый воркующий голос матери:

– Думаю, ты не хочешь возвращаться туда, откуда сбежал, так ведь? Для этого нам с тобой нужно хорошо защититься. Согласен? Здесь гематома, здесь рана. Сейчас я обработаю её, и составим с тобой документ.

Под маминым голосом и она потихонечку выздоравливала. Странные сны, со смещёнными реалиями, с голосами и лицами Алеся, Гоги... остались во «вчера». Снова с ней мама с папой. И маленький мальчик. Важно только это. И важно оставить ребёнка дома. Вот её работа: кормить его, придумывать истории к еде и перед сном, читать книжки и вместе смеяться над шутками. Сколько в мире матерей-одиночек! Как-нибудь заработает на двоих, всё равно в театре деньги были мизерные.

Начало жизни – завтрак вчетвером.

Спиной ощущая всё тот же – преданный доверчивый взгляд, хотя мальчик – в коридоре с Грифом, Лиза варит гречневую кашу и яйца, в духовке разогревает хлеб, накрывает на стол. И ничего нет важнее этого общего завтрака: папа, мама, ребёнок и она.

Отец приглушённо говорит по телефону. Даже в воскресенье не отдыхает, а сегодня остался с ней.

– Я не хочу! – отчаянный детский крик.

Лиза и отец кинулись к мальчику.

– Чего ты испугался? Я зову тебя завтракать, – голос мамы.

– Что случилось? – Лиза обхватывает мальчика за плечи и крепко держит их.

– Я ему сказала: «А теперь идём!» Он подумал...

– Ясно, что подумал, – говорит отец.

Наконец все четверо за столом.

Мальчик уплетает гречневую кашу и яйца и хлеб с сыром, словно давно не ел, а он ел – перед сном – котлету и пюре.

– Как тебя зовут? – спрашивает отец.

Странно, ей имя не нужно. Для неё он Мальчик, сын – тот, не родившийся, ещё без имени. Родившийся. Вполне естественно, что сын сидит со своей семьёй за столом.

Отец спросил имя, и вопрос «что делать дальше» подошёл к ней бездомной собакой.

Гриф тоже ел свою гречневую кашу с молоком, а на столе ждала его кость.

Мальчик смотрит на кость.

Ему лет пять, и в нормальной семье он вполне мог бы ответить на простой вопрос: «Как тебя зовут?»

– Ты любишь машины? – Отец делает ему бутерброд.

Теперь Мальчик смотрит на отца. И она глазами Мальчика рассматривает отца. Не тронутые временем волосы, ни одного седого, карие весёлые глаза, тощий, жилистый. Наверняка не эти внешние атрибуты видит Мальчик. Он видит: отец не страшный и под завязку набит историями, как и она, и кивает отцу.

– У меня много машин, – хвастается отец. – Я чиню их. Хочешь посмотреть, как чиню?

– С-сейчас? – Мальчик вскакивает.

Он заикается?

– Ты от родителей сбежал или из детдома?

Мальчик снова не отвечает Лизе и снова повторяет своё «Сейчас?», адресованное отцу. И тогда в сцену вступает мать.

– Тебя ищут. И, если тебя найдут с нами, нас всех посадят в тюрьму. Ты знаешь, что такое тюрьма?

– У м-меня м-мать в тюрьме.

– А отец?

Мальчик пожимает плечами.

– Значит, ты сбежал из детского дома. – Мать мягко смотрит на Мальчика. – Я – врач. И если покажу в детской комнате милиции документ, что они сделали с тобой, мы сможем попробовать оставить тебя жить здесь. Ты станешь жить с нами, – уточнила она. – Но, если ты хочешь жить с нами, ты должен сам себе помочь.

– Нет! – Лиза опять обхватывает мальчика за плечи. – Не в детскую комнату милиции надо, в суд. Нужен юрист... нужен знакомый... чтобы нам помог.

«Суд», «юрист», «знакомый», «связи», «ссуды», «гранты»... – эти слова летали в театре от человека к человеку. Все актёры – нищие, и все хотят сниматься в сериалах, любого пошиба, лишь бы только заработать на жизнь, и для этого ищут знакомых и связи. А судятся тоже многие – то с кем-то из-за площади, то из-за обмана – не заплатили денег за подработку, то отвоёвывают детей у супругов, с которыми развелись. Сейчас слова, к которым она почти не прислушивалась, показались Лизе магическими.

– Нужен юрист, – повторяет она. – Мы не можем сделать неверного шага! – И то, что она говорит при Мальчике, как бы включая его в обсуждение, не допуская того, что он может не понять, о чём она говорит, наполняет её покоем: это её Мальчик, её сын, которого она хочет защитить, и пусть он знает, как она хочет спасти его. – Мам, может, у тебя есть среди пациентов юристы?

– Лиза права, мать. Подумай.

– Успешные и богатые не лечатся в бесплатных районных поликлиниках. Скорее у тебя они могут быть к иномаркам в придачу.

Отец усмехнулся.

– Богатые чинят свои иномарки в крупных фирмах и платят совсем не такие деньги, которые запрашиваю я.

Мальчик, успокоившись, что от него отстали, хрустит хлебом и сушками и смотрит, как Гриф грызёт кость.

– И у тебя бывают иномарки, ты говорил, – повторяет мать это слово. – Слава о тебе... Звонит телефон.

– Это Георгий Кириллович!

Она вздрагивает от слов отца. Не приснилось.

Телефон звонит, а они все сидят, не двигаясь.

Тогда Мальчик говорит:

– Т-тел-лефон звонит.

И она поднимает трубку.

– Лиза, здравствуй.

Это не Гоги. Это администратор – толстая, уютная Регина Львовна. Она вся раскрашена: малиновые губы, яркие ногти, разноцветная одежда. Новогодняя ёлка. Но она добрая и гостеприимная. Всегда напоит чаем, если забежишь в её кабинет, успокоит, если расстроен. От неё не услышишь сплетни, зато узнаешь, чей день рождения приближается и какой подарок ко двору. Несмотря на то что Регине явно за пятьдесят, она просит говорить ей «ты», и сама всем артистам, даже маститым, говорит «ты». Она – копилка тайн, слёз и обид. И эта «копилка» сейчас звонит Лизе.

– Ты что удумала? – ласково спрашивает «копилка». – Гоги не спал ночь. И как мы все без тебя? Что-то случилось?

И Лиза радостно спешит:

– Мне срочно нужен юрист! – Она рассказывает о Мальчике и о том, что его могут отобрать. – Я не имею права сделать неверный шаг, понимаешь?

Регина умеет слушать. Она замирает и, как наживку, заглатывает не только слова, но и интонации, и то, что хотел бы сказать человек, но по каким-то причинам не сказал.

– Ты решила, что нашла сына? – как только Лиза замолкает, раздаётся очень грустный голос.

И теперь Лиза спрашивает участливо:

– У тебя что-то случилось?

После долгой паузы Регинин вопрос взрывается первым громом:

– А ты слышала о генетике?

– А ты столкнулась с генетикой? – неуверенно эхом откликается Лиза.

И снова Регина долго молчит.

– Я взяла сына в детдоме.

– Ну и... – еле выдавливая из себя Лиза.

– В тринадцать лет он начал пить, курить, воровать. Сейчас сидит.

Лиза без сил опускается на стул. Никак не может взглянуть на Мальчика, грызущего сушку. Его мать – в тюрьме.

– Он очень любит меня, – голос Регины как сквозь вату. – Пишет, мучается из-за того, что мучает меня. Да, я много работала – надо же было кормить и одевать его! Но и читала много ему, и в театры водила, и в спортивные секции. Мы много разговаривали. Он добрый человек. Но генетика...

– Причём тут генетика, Риша? Просто он попал в дурную компанию и из-за доброты не смог отказаться...

– Ерунда! Мой сын в тюрьме потому, что генетика.

– А ты заставь его учиться. Окончит заочный институт, выйдет из тюрьмы и начнёт новую жизнь.

Регина молчит.

– Я глупости говорю?

– Да, – соглашается Регина. – У него есть два курса юридического, но, как только он выйдет, его или снова втянут, или убьют. Если уж попал им в лапы... Он ведомый. Я не могу всю жизнь держать его за руку. Кушать-то надо, правда?

– Не плачь, Риша, пожалуйста. И спасибо, что рассказала.

– У меня нет юриста. У Гоги есть. Он просил уговорить тебя вернуться в театр. Но, как я понимаю, у тебя начинается свой театр.

Зазвонили в дверь. Отец пошёл открывать.

– Риш, спасибо за звонок.

– Я тебе ещё позвоню.

– Заходите, Георгий Кириллович, – приглашает отец.

– Я за Лизой.

– Да вы зайдите, пожалуйста! – уговаривает отец.

Не успела найти слов, как Гоги вошёл в кухню.

Они стоят друг против друга и смотрят друг на друга. Да бабы в театре за одни только эти гляделки...

Но вот Гоги увидел Мальчика.

– Кто это? – спросил он у матери.

И мама подробно рассказывает историю Мальчика.

– Мы не знаем, что делать. В милицию пойдём, снова в детдом отдадут, а Лиза не хочет.

– Ты хочешь ребёнка? – Гоги берёт её за руку. – Я хороший отец. Дочка всё мне рассказывает, даже самые интимные вещи. Я заботливый. У нас с тобой будут дети.

Она выпростала свою руку из его.

– У вас есть юрист?

Как странно меняется выражение его лица: только что беззащитное, и тут же деловое, а теперь вот неприступное. Артист. Играет с ней.

Глупости! Зачем она ему?

Ну, не может же быть, чтобы он влюбился?! Она работает в театре шесть лет. Когда это с ним случилось, если это правда?

И, глядя в его чуть отстранённые глаза, вспомнила: был банкет по поводу премьеры спектакля с её старухой! Гоги разливал шампанское сам.

Он знал, что его зовут «Гоги», и оправдывал это имя: любил быть тамадой, радушным хозяином, широким парнем – вот он я: весь нараспашку.

Два разных человека. Один – на репетициях: орёт, ругается, как торговка на базаре, каждого смешивает с грязью. Другой – родной папочка для всех.

В тот вечер он сам поднёс ей бокал с шампанским и сказал едва слышно: «Сегодня весь вечер пью твоё здоровье». Тут же отошёл и до конца банкета даже не взглянул в её сторону.

А перед ней снова её выход: она еле волочёт себя через сцену, и слова «Был у меня сын, нет у меня сына, значит, я больше не мать» рубятся на слоги и бьют её – ту, что в спектакле, и ту, что – из плоти – после аборта. Никогда не думала, что пустота внутри может колотиться при движении. Пытается преодолеть эту воинствующую пустоту, – едва бредёт по сцене.

Залпом выпив бокал шампанского, налитого Гоги, она словно в огонь ступила.

Никогда не пила, алкоголь ей противопоказан, на праздниках лишь губы мочила, а тут выпила – затушить пустоту. Шампанское подожгло её. Дальше не помнила: понесла музыка, одна плясала или с кем-то, руки, ноги улетали от неё, или она летела куда-то за ними. Расплывающиеся пятна лиц, цветные шары на обоях, закуски на столах: скорее картинками забить пустоту! Не получалось. Никак не могла осознать, что никогда больше сына у неё не будет.

А сейчас за её столом сидит Мальчик, сын, которого она потеряла: он взял и вернулся к ней.

– Поехали! – сказал Гоги.

– Не поеду. В театре мне делать нечего.

– Сейчас девять, до репетиции ещё два часа. Отвезу тебя к юристу. Он мой единственный друг, я сейчас у него живу, и если он возьмётся за «дело», пробьёт любую непробиваемую стену.

– Вот заключение врача. – Мама осторожно тронула Мальчика за плечо. – Пожалуйста, сними рубашку. Мы хотим помочь тебе остаться с нами, видишь, дядя Георгий помогает тебе.

Гоги вздрогнул, увидев тело Мальчика.

– Скажи своё имя и фамилию, без этого мы тебе помочь не сможем.

– Я – Гога.

Лиза подумала, что ослышалась.

Но Мальчик вдруг заговорил:

– М-мамка звала Ж-жорик, а в п-приюте п-прозвали Гога.

– Ты – Георгий? – спросил Гоги.

– Т-так сказал Ж-жук.

– Кто такой Жук?

– Он с-сидит в к-кабинете, в-воспитатели зовут его Ж-жук.

– А кто бил тебя? – спросил отец.

– Жопа.

– Кто?!

– Н-наша, в группе.

– А кто назвал её так?

– Я.

– Почему?

– М-мамка т-так з-звала дядьку, он часто бил её!

– Ты знаешь её имя? – спросил Георгий.

– З-зина Л-лексанна.

– Наверное, Зинаида Александровна.

Мальчик замотал головой.

– З-зина.

– Поехали, Лиза, у меня мало времени.

– Гога, пойдём гулять с Грифом, хочешь? – спросил отец.

Мальчик соскочил со стула, уцепился за ошейник Грифа.

– П-п-поведёшь чинить м-машины?

– Может быть, заскочим.

Дорогой Гоги не сказал ни слова.

Породистый Гогин профиль с чуть больше, чем нужно, выдвинутым подбородком, незнакомое – жёстко-растерянное лицо Алеся, спящий Мальчик – выпяченные губы, синяк на лбу, непропорционально большой лоб... И звенит: «Кто ты?» Вопрос – ко всем троим. Лиза мечется от одного к другому и ни на ком не может сосредоточиться. «Алесь – в прошлом, – уговаривает себя. – Гоги хочет помочь. И есть Мальчик». Руки чуть покалывает: она положит их на его синяк, и синяк исчезнет, она погладит его по стриженной голове, а потом прижмёт Мальчика к себе и начнёт рассказывать ему историю про летящего волшебника.

Гоги дразнит её своим молчанием. Какую роль играет сейчас? Почему молчал столько лет? Все в театре знают: первого февраля дочке исполнилось восемнадцать. Что мог пред-

ложить раньше? Роль любовницы? Он знает: в любовницы она не годится. Но он не знает, как они с Алесем...

Табу.

«Гоги всего на десять лет старше», – подумала почему-то.

А ей-то что? Ей предназначен один мужчина. Он на руках возносил её к квартире. Он любил смотреть на неё, и под его взглядом становилось неловко – какого чуда он ждёт от неё обыкновенной? Здесь он – её праздничный мальчик. Только он предназначен ей.

Уже не предназначен. Он бросил её.

Гоги говорит: любит.

А ей что до этого?

Из-за него как актриса не состоялась. Столько лет, по словам Регины, зажимал её.

Должна была бы ненавидеть. Ненависти нет.

Смог бы Алесь стать отцом Мальчику?

Алесь ушёл.

Мальчику нужен отец, если ей разрешат усыновить его.

Что-то держит Мальчика на расстоянии – никак она не ощутит его сыном. Кладёт руки на живот. Её сын рос здесь. Она убила его.

– Приехали. Говорить сначала буду я. Дай заключение врача.

Юристом оказался спортивный, улыбающийся, чуть лысеющий со лба человек Гогиных лет.

– Лиза, смотри внимательно на моего друга! Кто прошёл через его род? Азиаты – глаза наискосок, а цвет, смотри, ярко-голубой – славяне значит. А характер... вечный оптимист. Из всех сил стараюсь хоть немного этого хмельного напитка – «оптимизма» – у него перехватить, не получается! Один порок у него, он зануда: всё по букве закона и любит лекции читать. – Гоги усмехнулся, отпустил её руку и плюхнулся в кресло. – Ну вот, мой единственный, и привёз я к тебе Лизу.

Улыбка сбежала с лица Петра.

– Понял, – сказал Пётр и стал смотреть на неё.

Она запаниковала. Как мышшь, попалась в капкан его взгляда и в сети, расставленные Гоги. Это ловушка.

– Что вы так смотрите, словно речь идёт о жизни и смерти? – не выдержала Лиза. – Чего хотите? Наполнить своим оптимизмом? Лишить остатков моего? Спасти? Или чтобы я что-то немедленно сделала для вас?

– В самом деле о жизни и смерти... – смущённо улыбнулся Пётр. – И я так рад, что вы вместе. Я всё о вас знаю.

– Что «всё»? Почему «вместе»? – перебила его Лиза.

– Даже как нос морщите... знаю. Ты приехал звать меня на свадьбу? – радостно спросил у Гоги.

Тот, как от удара, сморщился. И поспешно, чётко и жёстко ввёл Петра в ситуацию.

– К тебе вопрос: что делать с пацаном? Лиза хочет усыновить его.

– Для усыновления нужны хорошие жилищные условия, стабильная база семьи, достаточная для воспитания ребёнка, – сдержанно рапортовал Пётр. – Вы с мужем прокормите мальчика? Что говорит по этому поводу ваш муж? Достаточная у него зарплата?

– А разве не может... – споткнулась, но тут же договорила: – одна мать растить ребёнка?

– Не понял, – резко повернулся к ней Гоги. – Ты разошлась с Алесем?

Звонит телефон, бьётся в окно снег, а Гоги треплет её взглядом, как пёс – кошку.

Пётр приподнимает трубку и кладёт её на рычаг. И вдруг улыбается, словно подарок получил:

– Вы разошлись с мужем? – Поворачивается к Гоги. – Ну вот как хорошо, видишь? И ты расходишься. И она. А ты говорил: у неё любовь на всю жизнь! Ничего нет вечного под луной! – пропел он. – Вот, ребятки, и хорошо. Поженитесь, и сын – готовый.

– Я ничего не понимаю. – Лиза встала. – Вы меня жените или консультируете, куда мне идти с моей проблемой?

– Простите, пожалуйста... простите! – Но Пётр продолжал улыбаться, словно получил долгожданный подарок.

– Муж бросил меня потому, что я не состоялась как актриса, и потому, что его НИИ не выдаёт зарплаты: у мужа нет денег содержать не только меня с ребёнком, но и себя самого, он ушёл жить к матери. А я увольняюсь из театра. И тоже пока без зарплаты. Правда, я так мало получала... слёзы бедных матерей... – Зачем она всё это говорит чужим людям? Что с ней случилось? Но она не может остановиться: – У меня молодые родители. Не знаю, сколько они вместе получают, но оба готовы помогать.

– Хватит! – Гоги тоже встал из своего уютного кресла, подошёл к ней и стал гладить по голове. – Успокойся, моя девочка. Ты столько пережила! Но теперь...

– Теперь я сама. – Она осторожно сняла с головы горячую руку. Под этой рукой совсем ослабла. Главное – не показать, как она ослабла. – Я сама справлюсь. Я найду работу. Я прокормлю ребёнка.

– Детский лепет, – остановил её Гоги. – Сейчас развивается капитализм, и ты со своей... – он явно подыскивал слово, и она кинулась помогать – «сопливостью», «ранимостью», «неприспособленностью»... все подходящи. А Гоги сказал: – А ты со своей структурой...

Его, как и маму, отличала точность формулировок.

– Сядьте оба, – приказал Пётр. Лиза послушно села. – Здесь у меня не театр, а в предбаннике очередь. Выход есть замечательный. Да, сейчас время капитализма. Но сейчас и время беспризорных, бесхозных детей, которых родители не в состоянии прокормить.

– Ну и?.. – Лиза никогда не прерывала собеседника, а сейчас в этом белом нарядном кабинете решалось что-то такое, с чем ей дальше жить до последнего вздоха.

– Государство только что решило поощрять домашние детские дома. Даже, кажется, обещает помещение и какие-то деньги. Я как раз сейчас разрабатываю подобный проект.

Лиза вскочила.

– Ну и?.. Вы можете? Я готова. У меня...

– Подожди, Лиза! – Гоги смотрит на неё, как Гриф, когда вымаливает погладить его. – Ты не можешь так просто бросить театр. Я хочу предложить тебе главную роль. Я повышу тебе зарплату. Я...

– Поздно, Гоги! – вырвалось его потаённое имя. И он вздрогнул. – У вас было много лет для того, чтобы дать мне главную роль и повысить зарплату. Я поверила Алесю – я не состоялась как актриса. И уже пережила это. И уже поставила точку.

– Нет! Ты не имеешь права слушать Алесю. Что он понимает? Я не мог раньше. У меня не было главной роли, достойной тебя, у меня не было возможности...

– Не было возможности сказать мне, что я ученица Раневской, что состоялась как актриса и должна немного подождать – вы ищите для меня роль.

– Прости, Лиза. Пожалуйста, Лиза. При Петре... он мой единственный, он знает... повторяю тебе: ты большая актриса, и я люблю тебя. Да, я долго ждал, чтобы сказать тебе и то, и другое.

– А я переждала услышать... – Она вдруг очень захотела, чтобы Гоги снова погладил её по голове. Незнакомое чувство – жалость к себе. А её, странно, никто никогда не гладил по голове.

– Так что мне делать, Жорка?

Он вовсе не Гоги, он – Жорка, как её Мальчик.

– Прости меня, но моё время... решайте: интересуется вас проект с детским домом или...

– Но тогда она точно уйдёт из театра.

– Я и так уже ушла.

– Есть шанс, Жор, что Лизе и впрямь очень понадобится муж, пусть фиктивный, чтобы оформить бумаги. Для семейного детского дома нужно наличие двух родителей. Так что не всё так плохо, Жор...

Лиза переводила взгляд с одного на другого. О чём они говорят?

– Вас интересуется мой проект или нет? – теперь её спросил Пётр.

– Что я должна делать?

– Отдать мне заключение врача, написать заявление с просьбой о создании детского дома и о передаче вам первого ребёнка, которого вы нашли примёрзшим к скамье, дать мне адрес детского дома. Я буду вести ваше дело.

– А сколько...

– Ничего, – сказал Гоги. – Тебе это не будет стоить ничего.

– Мне нужно брачное свидетельство или с вашим бывшим мужем, или вот с этим юношей. Так обстоят дела! – весело сказал Пётр. – Вы – исключительный человек, Елизавета Сергеевна. Вашего отца, кажется, Сергеем зовут?

Она беспомощно кивнула. Всё про неё знают. Всё за неё решают.

– Лиза, я окончательно опаздываю. Пожалуйста, пока пойдём со мной в театр. Сегодня читаем новую пьесу.

– Эй, Жор, тормози, брат. Или-или...

– Я могу довести тебя до метро. – Гоги был хмур и, не попрощавшись с Петром, вышел из кабинета, хлопнув дверью.

Лиза виновато улыбнулась.

– Спасибо вам большое.

– Я позвоню, когда у меня будет какая-то информация. Но у вас есть ещё шанс решить свою жизнь: театр или дети? – Пётр встал и подошёл к ней.

Лиза неожиданно поцеловала его.

– Вы... вы... спасибо... вы...

– Он любит вас много лет. Не бойтесь его и не сомневайтесь: он ответственный и добрый. Он – штучный, таких серийно не изготавливают.

Глава четвёртая

1

– Без тебя мне пропасть. Твои условия принимаю, – повторяет Варвара. – А теперь условия мои. Ты слышал, что я сказала Аполлону?

– Какому Аполлону? – Никак Алесь не вернётся в замурованный снегом кабинет.

– Любовнику моему. Это я ему такое имя сочинила. В первый день, как вышла с зоны, по телику увидела передачу про Аполлона. Мужик как мужик, всё на месте, у многих так-то: плечи – во, талия – во, и ноги как надо. Но имя – шикарное. Ну, я и пристроила Кольке – Аполлон. Не могла его Колей звать, это имя у меня неприкосновенное. А скоро и забыла его настоящее: Аполлон да Аполлон. Звучит! Так, слушай сюда, Алесь Леонидович. С детства я дальше помойки не допускалась. Дома – помойка: мат-перемат, пьянки, драки. В зоне – человечья помойка. И сейчас по инерции для кормёжки избрала помойку. Всё знакомо. А скажу тебе, Алесь Леонидович, хочется хоть одним глазком заглянуть в культурную жизнь, где – чисто: ни мата, ни отходов.

«Поддай», «убери», шуточки по поводу половых органов и сексуальных отношений... – Как по заказу, зазвучал голос папашки. «Шикарный тип», «шикарная тусовка»... – голос мамани. Это, что ли, культурная жизнь, в которую так хочет заглянуть Варвара?

– Если бы телевизора не было, знать бы не знала, что другая жизнь имеется. Люблю сказочные кино – про принцев и принцесс, передачи слушаю про учёных и писателей. И уши млеют: не говорят «тузы» – поют! Два языка русских: для них и для нас. Неужто и в быту так-то? Хочу покантоваться среди них – отмыться.

Коллеги в лаборатории у мусорного ведра часами дымят и анекдоты травят – с тем же матом-перематом.

«Знаешь, о чём я часто думаю, Лесь: откуда мы с тобой пришли? Иногда закрою глаза, а светло, как днём, и словно кто-то сверху ведёт меня, Лесь!»

«Знаешь, странно, я уже жила. Не на земле, нет. Света много... покоя много. Слышу голоса. Я сумасшедшая, да, Лесь?» – «Чьи голоса?» – его робкий голос. «Пришла сюда, чтобы урок выучить». – «Чьи голоса, Лиза?»

– Ты не слушаешь меня.

– Повторить?

– Ты зря со мной так. Я, может, никогда никому не говорила, что хочу по-другому. Подними меня со дна, Алесь Леонидович.

– Я не тот...

– Я вижу, кто ты. Мало скажешь, много внутри прячешь.

– Ты в школе хорошо училась, так? Не помойка ведь!

– Ну...

– Говори, с чего начинать? С Пушкина или с Ландау?

– Кто такой Ландау? Пушкина в школе изучала: «Буря мглою...», «Евгений Онегин»!

– Физик был такой. Гений.

– Тебе виднее, с кого. Платить тебе буду и за мусор, и за учёбу. Слушай мои условия. Ты становишься моим фиктивным мужем. Чего вскочил? Сядь! Живу с Аполлоном, и ты можешь спать с кем хочешь. Я к нему привыкла, с тобой не смогу. Я тебя стесняюсь, ты из

другого теста. А твоё имя мне нужно, для весу. Хочу, чтобы ко мне как к человеку относились. А то взятками двери распечатаваю.

И злость вырвалась:

– Сейчас время такое – ваше, Варвара Родриговна, взятки вес придают, не имя! Что вы мной манипулируете?! Не хочу разводиться с женой! Точка.

– Ура, показал зубки! Оттаяли за ночь? А чего ж рожу потерял, коли знаешь, как надо? Вставай, иди к бабе!

– Не нужен я вам! – маманиным истеричным голосом сопротивлялся он, чувствуя – тонет в Варвариной власти над ним. – Вам легче попасть на любой уровень, чем мне. Сами говорите, у вас «фраер» наверху.

– Одалживаться у него не могу. И так он меня со дна поднял. Не тот разговор ты затеял. Моё условие...

– Я не могу развестись с женой!

– Шагай, давай! Поспеш! – Варвара засмеялась. – Только ничего не выйдет. Она, может, и блаженная, и зла на тебя не держит, но ты порушил её гордость, ты разбил её...

– Что «разбил»? – жалким голосом кинулся за спасением к Варваре.

– То, что здесь. – Варвара ткнула себя в грудь. – Ты ушёл от неё, ты удивил её, ты вышиб почву из-под неё, ты сломал её жизнь, перевернул. Она уже не такая. И не по той дороге она дальше пойдёт, нет.

– Откуда вы знаете? Какие слова вы, оказывается, знаете, Варвара Родриговна...

– Каждую ночь красивые фильмы смотрю, а память у меня нетронутая. Одна культурная так бывшему мужу и сказала: «Ты порушил мою гордость, ты разбил мою душу, ты вышиб почву из-под моих ног, сломал жизнь».

– А я думал, вы такая умная и наблюдательная... – Алесь вдруг устал. И от того, чем оглушила его Варвара, и от тех голосов, что звучат в нём, и от той работы, что происходит внутри, и оттого, что проговорился Варваре, что Лиза не состоялась как актриса. А она состоялась. И от того, что предал Лизу, и она сейчас без его помощи.

– Я не умная, я восприимчивая. Идём, Алесь Леонидович, к моему нотариусу, она составит разводную бумагу. И я сама поеду к твоей жене за подписью. И с писулькой от тебя: так и так, надо нам с тобой развестись.

– Нет! – прошептал Алесь.

– А тебя никто не спрашивает. Это моё условие. Или сию минуту катись к жене, если она примет тебя, и пекись об ней, или к моему нотариусу...

2

Когда Лиза вернулась от Петра, Мальчик сидел на полу, спиной прижавшись к брюху Грифа. Гриф не шевелился, лишь улыбнулся ей и мягко шлёпнул хвостом по полу.

– Рассказали две сказки, по очереди с бабкой читали стихи. Гога тоже прочитал новогодние, – отрапортовал отец.

У неё вырвалось:

– Он не Гога, папа, пусть будет Жора! Пожалуйста!

– А ещё Жора сказал: она бьёт его часто, – шепнула Лизе мама.

– Это мы с тобой видим!

Лиза рассказала о встрече с юристом.

Известие о создании детского дома родители приняли в штыки. У отца обнаружился скрипучий незнакомый голос:

– Возражений несколько! Вернее, вопросы к тебе. Ты справишься с ответственностью за жизнь нескольких детей? Ты осознаёшь, что ставишь крест на себе и жизни собственной? Сама-то ты не собираешься родить своего?

– Ты, в самом деле, бросаешь театр? – Мать попыталась мягким тоном забить скрежещущий голос отца. – Мы с папой согласны с твоим режиссёром: ты родилась актрисой, ты – большая актриса! Я помню каждое слово твоих героинь и каждое выражение лица!

А Лиза села рядом с Жорой, не сводящим с неё глаз, и тоже прижалась к брюху Грифа.

– С кем ты дружишь? – спросила она.

– Гриф умеет б-бегать!

– При чём тут Гриф, Жора? – удивился отец.

– Раз он умеет б-бегать, я д-дружу с ним. Мы б-будем б-бегать наперегонки.

– Ты с ребятами дружишь? Моя дочка об этом тебя спросила.

– Они меня бьют.

– Почему? – не поняла Лиза. – И ты, и они без родителей... с одной бедой.

– Я не х-хочу с ними играть.

– Почему ты не хочешь с ними играть?

– Я что-нибудь с-делаю не так, они б-бьют.

– А как реагирует воспитательница? – допытывалась Лиза.

– Они н-ночью... подушкой д-давят на лицо, чтобы я не д-дышал, или одеялом закроют г-голову и б-бьют.

– Так это они тебя избили?

– Не... – замотал Жора головой. – Жопа.

– Поговори с ним подольше, то ли узнаешь. Давай спрашивай! – приказал отец и тут же жалко скривился, чего тоже Лиза никогда не видела раньше: – Доченька моя, ты не знаешь жизни, ты ничего не понимаешь в происходящем сегодня, не касайся дна. Никого из несчастных детей ты не спасёшь, они вернутся туда, откуда пришли. Ты рождена для другого. Для тебя – мир искусства, а не это смрадное болото, ты не готова узнать, что тут сейчас происходит. Прошу тебя, девочка, умоляю.

И мама чуть не шёпотом:

– Папа прав, доченька.

В паузе, оглушившей её, Жора обхватил её колени.

– Н-не отдавай м-меня Ж-жопе. Я б-буду слушаться.

– Вот и хорошо, вот и оставь Жору себе! Сын тебе нужен, согласен. Тебе отдадут. Формально у тебя есть муж. Но руководить детским домом! Даже если мы с мамой бросим свои работы и оба станем помогать, мы не справимся. Нужны воспитатели, учителя, мастерские, жильё с участком. Всем, кто будет у тебя работать, нужно платить, так ведь? Где мы возьмём столько денег? К тому же это дети с незнакомой генетикой, с тяжёлой наследственностью. Ну, дрогнуло сердце, вот и расти мальчишку, парень ко двору, втроём вытащим его. Но детский дом на свои плечи...

– Папа прав.

Зазвонил телефон. Она с трудом, как старуха, встала с пола и медленно, налитыми страхом ногами поплелась к аппарату.

Пётр сказал, что в округе её сквера есть только один детский дом и Мальчик – оттуда. Ехать никуда не надо, он, Пётр, вместе с директором приедет к ней. А её дело – сварить кофе и сделать пару бутербродов. Насчёт частного дома он закинул удочку, и ответ о помещении и ссуде дадут позже.

– Адрес запишите, – начала, было, и вспомнила: заполнила же анкету с адресом, телефоном и годом рождения!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.